7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 9(55)

Сентябрь 2018

Москва
2018

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Грудева Елена Валерьевна, д-р филол. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 9(55).
М., Изд. «МЦНО», 2018. – 24 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/9-56>

ISSN (печ.версии): 2500-400X

ISSN (эл.версии): 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2018.55.9

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2018 г.

Содержание	
Культурология	4
Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	4
О ФОРМУЛЕ ДЕРИВАЦИОННОГО ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -(Ь)М-	4
Тележко Георгий Михайлович	
Теория и история культуры	8
СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ФОРМУЛ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ	8
Санников Сергей Викторович	
ИСКУССТВО, КОТОРОГО «НЕТ» (ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА)	11
Семенова Валентина Ивановна	
Черниева Зинаида Леонидовна	
Филологические науки	15
Литературоведение	15
Журналистика	15
СУЩНОСТЬ МЕДИАТИЗАЦИИ КАК ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	15
Наседкина Надежда Игоревна	
Языкознание	18
Славянские языки	18
К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПРЕДЛОГА	18
Рыжкович Анна Чеславовна	

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВО ФОРМУЛЕ ДЕРИВАЦИОННОГО ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ
РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -(Ь)М-*Тележко Георгий Михайлович*

канд. техн. наук,
заместитель директора Общества с ограниченной ответственностью «Информаналитика»,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: yurate@bk.ru

ON THE FORMULA FOR THE DERIVATIONAL INTERPRETATION
OF THE MEANINGS OF RUSSIAN NOUNS WITH THE SUFFIX -(Ь)M-*George Telezhko*

Candidate of Engineering Sciences, Vice Director in «Informanalytica» Ltd,
Russia, Saint Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье приводятся результаты исследования семантических связей производных основ русских существительных с суффиксом -(Ь)М- и соответствующих производящих основ. Показано, что эта связь может быть объяснена как следствие преобразования древнего корня с посессивной семантикой в суффиксальное расширение. Приведены формула деривационного толкования и примеры её эвристической полезности.

ABSTRACT

The article presents the results of studies of semantic relationships between the derived stems of Russian nouns with the suffix -(Ь)M- and the relevant source stems. It is shown that this relationship can be explained as the effect of the transformation of the ancient root with possessive semantics into a suffixal extension. The formula for the derivational interpretation and examples of its heuristic utility are provided.

Ключевые слова: производная основа, производящая основа, семантика, этимология, суффиксальное расширение, посессивность.

Keywords: derived stem, source stem, semantics, etymology, suffixal extension, possessiveness.

Описание проблемы, постановка задачи и методика её решения

Проблеме деривационного толкования производных основ уделено много внимания в научной литературе. Резюмируя ряд мнений по вопросу об общем подходе к такому толкованию, приведённых, например, в [3, с. 15 – 17], мы будем исходить из того, что формула толкования должна содержать отсылку на производящую основу и описывать деривационные значения, выражаемые словообразовательным формантом.

При этом интерес представляет не только формальное сопоставление словообразовательного форманта его деривационному значению, найденному эмпирически по имеющемуся материалу. Большой

интерес, если не больший, имеет этимология этого форманта, его фонетическое и семантическое выведение из лексемы-предка, что позволило бы построить формулу толкования с отсылкой к этой лексеме.

Сходная работа была проведена при исследовании этимологии индоевропейских (ИЕ) названий волка [7], где попутно проявилось деривационное значение суффиксов в этих названиях: 'который'. Это значение проявилось при анализе названия волка в тохарском В: *walkwe* – разложение которого дало производящую основу *wal-* и суффикс *-kw-*, восходящий к ИЕ местоимению со значением «кто (что)».

В настоящей статье предлагается аналогичный подход к толкованию русских существительных с

суффиксом *-(ь)м-*, отделяемым от суффиксов пассивных причастий настоящего времени (напр., *носимый, ведомый*), от производных ИЕ суффикса **-тѣп / *-тп / *-тѡ* (ст. «**-тѣп*» в [11]), напр., в др.-греч. *ποιήν, δαίμων*, лат. *alumnus, sermo*, др.-рус. *верема, камы*) и от производных от тюркского суффикса действия *-tak* (напр., в заимств. из тюрк. *кошма, сурьма, чалма*).

Результаты исследования

Характерные примеры рус. слов с исследуемым суффиксом: *бельмо, ведьма, косма*. Существительное *письмо* не войдёт в список, поскольку его древняя форма – ср. ст.-слав. *писма* – выдаёт связь с ИЕ суффиксом **-тѣп*, ср. также форму мн. ч. *письмена*, наряду с *письма*. Деривационное значение последнего суффикса известно: он преобразует действие, выражаемое глаголом, в имя действия или его результат: *писать > письмо, письмена*. Однако сущ. *ведьма, бельмо, косма* не являются именами действий, т. е. их суффикс не выводится из **-тѣп*.

Эвристическим ключом к формулировке этимологической гипотезы для исследуемого суффикса *-м* может послужить корень *-йм-, -ём-, -ьм-* рус. лексем с семантикой посевности: *обойма, объём, возьму*, – возводимый к ИЕ **et*, др.-рус. *имѣти*, польск. *mieć*, лит. *imti* 'брать', лат. *emere* (Meaning: 'take' в [4]). Попытка применения этого ключа к трём вышеприведённым рус. примерам вселяет надежду на перспективность следующей формулировки: значение производной основы с суффиксом *-м* определяется через обладание признаком ('с признаком'), выраженным производящей основой:

- *ведьма* – 'обладающая знанием' (корень *-вед-*);
- *бельмо* – 'обладающее чем-то белым' (корень *-бел-*);
- *косма* – 'обладающая косой – тем, что расчёсывают' (корень *-кос-/чес-*).

Эти определения, очевидно, адекватны определяемым лексемам.

Расширим проверку гипотезы на доступный заведомо исконный лексический материал, включающий, помимо существительных, одно наречие:

- *весьма* (наречие) – 'со-всем';
- *Вязьма* (река) – 'вязкая (обладающая вязкостью)';
- *Клязьма* (река, этимология считается не выясненной) – вероятно, 'с клягами (древками бредней)', родств. рус. *кляч* 'колышек', польск. *klek* 'рукоятка плуга', рус. *клин, клык, колоть* (все, в конечном счёте, – от праслав. корня **kyl-*);
- *корм, корма* – 'со срезом' (корень *кор-* с семантикой 'резать', родственно *корень*);
- *корчма* 'питейное заведение' – 'с корчагами (сосудами для водки)' от **kьrkъ* 'шея', по Трубачёву (ст. «корчага» в [9]);
- *Коряжма* (город), *Коряжемка* (река) – 'с корягами, корнями', *Коряжемка* (орфография – по [2, с. 633]) – от **коряга*;
- *кострома* 'соломенная фигура богини плодородия' – 'с соломой (кострой)', родственно *кость*;

- *лохма* – 'с неряшеством', от корня *-лох-*, от которого *лох, лохань, солоха* 'неряха', и, вероятно, *полошить, плохой* [8];

- *тормы*, диал. ряз. 'ноги', *тормашки* – 'с тором (с дорогой)';

- *Хохлома* (легенд. ж. имя) – 'хохластая, с хохломом', якобы по имени девочки, впервые расписавшей деревянную посуду названа деревня Хохлома;

- *яма* – просто 'имеющая ёмкость', от др.-рус. *яти* 'взять, объять, уловлять';

- *ярмо* – 'с силой', от др.-рус. *яти* 'взять, объять, уловлять' > *ярый* 'крепкий, сильный', подобно *жить > жир, дать > дар, пить > пир*.

Предложенный вариант деривационного толкования не только объясняет смысловую связь между основами исконно русских лексем, но и позволяет предложить славянскую этимологию лексем, считающихся заимствованными.

Тесьма

Считается, что лексема заимствована из тур. или тат. *tasma* 'лента, тесьма, ремень'. Арханг. диал. *tásmá* 'подпруга в оленьей упряжке' считается заимств. из коми *тасма* 'ремень, пояс', которое, в свою очередь, опять-таки выводится из тур. и тат. (ст. «тесьма», «тасма» в [9]). Если внимательно изучить словарные значения, то тур. *tasma* применяется исключительно в значении 'поводок, ошейник', а тат. *tasma* означает 'лента'. У этих лексем есть два иранских аналога: персидский, означающий 'тесьма' и таджикский, *тасма*, означающий 'ремень'.

Отметив разноречие в значениях лексем ('поводок', 'лента') – предполагаемых источников, следует заметить, что рус. *тесьма* не означает, строго говоря, ни 'ремень', ни 'лента', хотя *тесьма* часто определяется через образ ленты. Основное отличие между тесьмой и лентой вообще состоит в том, что лента, как правило, – это чисто декоративный элемент одежды, в то время как тесьма назначается для связывания и **стягивания** частей одежды.

Таким образом, без каких-либо натяжек к лексеме *тесьма* 'стягивающая лента' применима выше предложенная деривационная формула, связывающая производящую основу *тес-* (семантика давления) с производной основой *тесъм-*: *тесьма* – 'стесняющая (с теснотой)'. Распространение лексемы, сопровождаемое семантическим дрейфом, скорее всего, шло через иранск., поскольку в перс. русскому [е] соответствует [а], ср. рус. *весна* – перс. *bahar*, рус. *здесь* – др.-перс. *dahyu-* 'местность, страна' (Фасмер, со ссылкой на Педерсена, ст. «дешевый» в [9]); далее – в тюркские, далее – в коми.

Пальма

Безусловное заимствование из лат. *palma* 'пальма', основное значение которого – 'ладонь'. Однако дальнейшая этимология повисает в семантическом вакууме, поскольку лат. лексеме и родственные ей др.-греч. *πάλαμ*, др.-англ. *folm* 'ладонь', др.-ирл. *lám* 'кисть руки' выводят из ИЕ прототипа **palam-, *plām-*, который сам уже семантически не связан ни с какой другой ИЕ лексемой.

Прототип **palma* имеет прозрачную семантическую связь с праслав. **paľь*, **paľсь* 'палец (чаще –

большой)', т. е. **pal-ьта* – 'имеющая пальцы', что согласуется с обсуждаемой деривационной формулой и с гипотезой Уленбека и Беценбергера (ст. «палец» в [9]) о родстве рус. *палец* и лат. *palma*. Происхождение лат. *palma* непосредственно из лат. *pollex* 'большой палец' фонетически и морфологически не объяснимо, в др.-греч. и подавно нет связи между *δάκτυλος* 'палец' и *παλάμη* 'ладонь'. Кроме того, лат. и др.-греч. лексемы выглядят избыточными, в связи с наличием у *palma* и *παλάμη* синонимов: *manus* и *χεῖρ* 'кисть руки, ладонь, рука'.

Применение деривационной формулы к **palьта* < **palь* 'палец' находится в согласии с гипотезой о средиземноморской прародине протославянского языка, обсуждавшейся в более ранних работах [5].

Шельма

Лексема справедливо выводится из ср.-в.-н. *schēlme* или прямо из нов.-в.-н. *Schelm* 'плут'. Однако герм. лексемы со значениями 'плут, негодяй', как и в случае с лат. *palma*, оказываются в семантическом вакууме (ст. «Schelm» в [11]).

В ст. «шалить» [9] Фасмер, со ссылкой на Миклошича, приводит лит. слова – *šēla* 'ярость', *šėlytis* 'строить рожи, валять дурака', *rašėlės* 'взбешенный' – которые, по его мнению, заимств. из слав. Поскольку чередование [a] ~ [e] здесь не вызывает удивления, не должно вызывать удивления и происхождение герм. лексем из праслав. *šal-* со значениями 'шалить, обманывать, шалеть – беситься' с помощью форманта -(ь)т- с поздним обратным заимствованием в слав.

Нельма

Иногда предполагают финно-угорское / саамское происхождение лексемы.

Однако считается, что коми *nel'ma* заимств. из рус. (ст. «нельма» в [9]). Выведение из саамск. *njalmtte*, *njálbme* 'рот' с родственными в мари, ханты, манси и венгерск. хотя и семантически привлекательно, в связи с характерной пастью нельмы, но противоречит отсутствию такого названия рыбы в указанных языках.

С несколько большими сомнениями, чем при рассмотрении предыдущих примеров, предложим альтернативный ход рассуждений. В ранней фазе развития протославянского языка в нём происходило расщепление палатальных звуков, в частности, палатальный [ʃ] развился в варианты: [ʃ], [ʎ], [j] – ср., напр., слав. лексемы со значением 'боярин': рус., укр. *боярин*, ст.слав. *боляринъ*, болг. *болярин*, сербохорв. *бôларин* [6].

Следы этого расщепления можно увидеть и в диал. названиях мойвы (ст. «моль» в [9]): *мойва*, *мольва*, *мольгá*, *молька*, *мольáва*, *мольгá* 'мелкая рыбёшка, мальки' – от корня с семантикой 'маленький,

мелкий', ср. рус. *моль*, серб. *мольац* 'моль', что ставит под сомнение финно-угорское происхождение рус. названий.

Возвращаясь к этимологии рус. названия *нельма*, мы вправе предположить если не аналогичное расщепление, то, по крайней мере, колебания [ʃ] ~ [j] и вариант названия **нейма*, т. е. 'неуловимая' с приставкой *не-*, как в *неслух*, *неясыть*, и родственная *пойма*, *обойма*, *пройма*. Семантически это предположение вполне оправдано: нельма – один из самых крупных речных хищников, и вытащить её из воды непросто (вспомним также: «видит око, да зуб неймёт»).

Аналогичные колебания [ʃ] ~ [j] были и в рус. *яма*, слав. **jata*, которые имеют диал. вариант *ляма* 'ямка, лунка, канавка' (ст. «ляма» в [1]) и допускают сравнение с лит. *lomà* 'низина', лтш. *lāma* – то же, лат. *lāma* 'лужа, болото' (см. ст. «яма» в [9]), что предполагает расщепление начального [ʃ] на стадии ИЕ языка.

Допущение древнего колебания [jm] ~ [ʃm] и в названии *нельма* позволяет найти слав. этимологию для *нельма*, непосредственно связанную с семантикой обладания, с корнем -*йм-* и без суффиксального расширения. В связи с последним обстоятельством *нельма* выпадает из числа примеров применения исследуемой деривационной формулы.

Выводы

Есть основания считать, что суффиксальное расширение -(ь)т- в исконно русских лексемах имеет деривационное значение посессивности.

Последовательное применение предложенной деривационной формулы, позволило проверить этимологии ряда лексем на предмет их исконности или заимствования. Например, формула не применима к *чалма*, *кошма*, но оказалась применимой к *пальма*, *шельма*, *тесьяма*, что указывает на исконно славянское / русское происхождение последних. При этом *пальма* и *шельма* исторически были забыты и вернулись в виде перезаимствований в позднее время.

Пока не ясно, было ли образование суффикса -(ь)т- из корня -*йм-* чисто славянской инновацией, или аналогичные трансформации проходили и в других языках. По крайней мере, подобный процесс мог проходить и в индо-иранских:

- ср.-перс. *xormā* 'финик' – 'с солнцем'? ср. курд., перс. *xōr-*, осет. *xур* 'солнце';

- авест. *aēsma-* 'хворост' и санскр. *idhmá-* 'хворост, топливо' – 'с огнём'? ср. др.-перс. *âed* 'огонь' [10, с. 41],

но более подробный анализ ИЕ лексем с подобными суффиксами мы оставим в качестве темы дальнейшей работы.

Список литературы:

1. Даль В.И., Толковый словарь Даля. 1863–1866 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/263590> (дата обращения: 09.09.2018).
2. Зализняк А.А., Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 728 с.
3. Мусатов В.Н., Деривация и словообразовательная полисемия отглагольных существительных с нулевым суффиксом. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2015. – 159 с.

4. Старостин С.А., Indo-European etymology. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 10.09.2018).
5. Тележко Г.М. Критический анализ некоторых предполагаемых источников славянской сельскохозяйственной лексики // Universum: Филология и искусствovedение: электрон. научн. журн. 2018. № 1(47). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (дата обращения: 11.09.2018).
6. Тележко Г.М. О дивергенции палатального бокового аппроксиманта в славянских языках // Universum: Филология и искусствovedение: электрон. научн. журн. 2016. № 12(34). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4029> (дата обращения: 11.09.2018).
7. Тележко Г.М., О смысловой структуре праиндоевропейской лексемы со значением 'волк' // Universum: Филология и искусствovedение: электрон. научн. журн. 2017. № 3(37). / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4475> (дата обращения: 11.09.2018).
8. Тележко Г.М. Следы редуцированных форм префиксов до-, по- // Universum: Филология и искусствovedение : электрон. научн. журн. 2016. № 11(33). / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3912> (дата обращения: 11.09.2018).
9. Фасмер М. В., Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. В четырех томах. М.: Прогресс, 1986. Тома I–IV / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 28.03.2018).
10. Catt A., The Derivational Histories of Avestan aēsma- 'firewood' and Vedic idhmá- 'id.' // Proceedings of the 25th Annual UCLA Indo-European Conference. – Bremen: Hempen, 2014. С. 39 – 48.
11. Wiktionary. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 28.03.2018).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА:
К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ФОРМУЛ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Санников Сергей Викторович

канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории семиотики и знаковых систем,
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: sannikov_s@ngs.ru

SEMIOTIC ASPECTS OF LINGUISTIC AND CULTURAL TRANSFER: ON TYPOLOGY
OF THE INFORMATION TRANSMISSION FORMULA

Sergey Sannikov

Candidate of Historical Sciences, Laboratory of Semiotics and Sign Systems, Novosibirsk State University,
Russia, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей работы является расширение типологии форм лингвокультурного трансфера, представленной в работах С.Г. Проскурина и А.В. Проскуриной. Сравнительно-исторический анализ англосаксонских правовых памятников позволил автору настоящей работы выделить ранее не описанный тип лингвокультурных трансформаций, который отсылает исследователя к явлениям модальной семиотики, и является, по всей видимости, одним из ключевых с точки зрения анализа процессов исторической трансляции и культурной преемственности социальных институтов, ритуалов и иных социальных практик.

ABSTRACT

The aim of the paper is to expand typology of the forms of linguistic and cultural transfer presented in the works of S. Proskurin and A. Proskurina. The comparative historical analysis of the Anglo-Saxon laws has allowed the author to identify a previously not described type of linguistic and cultural transformations, which addresses the researcher to the phenomena of modal semiotics, and may be regarded as one of the most significant in terms of analysis of the processes of historical succession and cultural continuity of social institutes, rituals, and other social practices.

Ключевые слова: модальная семиотика; лингвокультурный трансфер; передача информации; типология культурных форм.

Keywords: modal semiotics; linguistic and cultural transfer; information transfer; typology of cultural forms.

Изучение семиотических аспектов диахронической и межкультурной трансляции информации является важной составляющей анализа процессов социокультурного трансфера. Исследование корпуса древнеанглийских текстов позволило исследователям [3; 4] открыть несколько типов формул передачи информации в культуре, в соответствии с которыми происходит образование новых культурных форм: «тип А» (в рамках которого происходит «переосмысление конвенциональных формул, т. е. тип «одна формула – два смысла», например, фраза «*ne... middangeardes men mundgripe maran*» («Нет в среднем мире... людей с хваткой руки сильней» – о культурном герое англосаксов Беовульфе) может трансформироваться в выражение «*ne maerra man geond middangeard*» («Нет славней человека в среднем мире» – об Иисусе Христе) в рамках микромотива

«человек в среднем мире») [3, с.52]; «тип Б», для которого характерны «лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры, т. е. сохранение означаемого и связанного с ним культурного нексуса при обновлении означающего», например, когда фраза «*middangeard beofað*» («средний мир дрожит»), трансформируется в «*beofað ealle beorhte gesceaft*» («дрожит все яркое творение») в рамках микромотива «конец мира» [там же]; «тип В», характеризующийся порождением новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам, например выражение «*weorold wended*» («мир вращается (по кругу)») трансформируется в «*weorold gewited*» («мир уходит») в рамках микромотива «движущийся мир» [там же].

Позже также был выявлен четвертый тип трансформаций, «тип Г», который «представляет собой описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом» [4]. Рассматриваемый тип в определенной степени соотносится с «типом Б», однако, отличие состоит в том, что «нексус (т. е. закрепленный культурный смысл) не сохраняется, а сама формула обозначает разные явления в рамках одной темы» [4, с. 233-238]. В качестве примера данного типа выступает трансформация выражения «Her sunne aþiestrode» («Здесь солнце померкло») в «Her se mona aðistrode» («Здесь луна померкла») [там же].

На основании проведенных автором данной статьи исследований древнеанглийских правовых текстов [5; 6; 7] представляется возможным выделить также пятый тип лингвокультурного трансфера (который можно условно обозначить как «тип Д»), в рамках которого сама формула, ее лексика и семантическая структура остаются прежними, но меняется контекст употребления формулы, например, когда в законах короля Альфреда (Эльфреда) воспроизводятся извлеченные из контекста Пятикнижия Моисея и переведенные на уэссеский диалект древнеанглийского языка библейские формулы «Ne sleah ðu» («Не убий»); «Ne stala ðu» («Не укради»), и т. д.

Данный тип передачи культурной информации прослеживается, например, в воспроизведении (буквальном цитировании, репликации) определенных образов на гербах и иных символах государственной власти различных государств и эпох (образ / формула «двуглавый орел = верховная власть» в символике Византийской империи, Испанской империи, Австрийской империи, Российской империи и т. д.), а также в мультимодальных формах политического дискурса, когда, например, Наполеон Бонапарт во время своей имперской коронации принимает пурпурную мантию, украшенную регалиями эпохи Меровингов, а в церемонии инаугурации российского президента участвуют военнослужащие в военной форме эпохи Российской империи. Подобные цитаты напрямую отсылают нас к протографу / культурному инварианту, выполняя роль своеобразного культурного триггера, активирующего соответствующие архетипы в новом историческом контексте. На данном принципе культурного трансфера была основана, например, рецепция библейского ритуала помазания царя в раннесредневековом вестготском, а позже – каролингском обществе.

Особенную популярность данный тип культурного трансфера получает в рамках постмодернистского искусства, в значительной степени основанного на принципах мультимодальной эклектики.

Например, перенесение художником Д. Врубелем знаменитой фотографии поцелуя генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева и руководителя ГДР Эриха Хоннекера из газетного разворота на Берлинскую стену представляет собой классическое посмодернистское цитирование (несмотря на цветовую актуализацию содержание фотографии остается полностью неизменным), трансформирующее смысл высказывания путем смены контекста (из символа крепости социалистического лагеря данное изображение трансформируется в символ неадекватности мира «большой политики»). На этом же принципе основано воздействие значительной части современных интернет-мемов (коллажей), когда фотография какого-либо персонажа помещается на новый фон, соответствующий иному культурному контексту.

Данный тип культурного трансфера может сочетаться с иными, ранее выявленными типами, в частности – ему в определенной степени близок ранее открытый «тип Б», к которому прибегают, например, режиссер и сценарист фильма «Александр Невский» Сергей Эйзенштейн и Петр Павленко, вкладывающие в уста главного героя паравраза заимствованной из Евангелия от Матфея архаической формулы «Возврати меч твой в его место; ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (в фильме звучит: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет» [2]). Микромотив «гибели от меча» порождает специфический культурный миф, определяющий идентичность советской цивилизации в рамках соответствующей культурной эпохи по «типу Б», в то время как воспроизведение фразы лирического героя произведения Эйзенштейна-Павленко в современной российской политической публицистике патриотической направленности относится уже к культурному трансферу по «типу Д» (в рамках которого не происходит лексическая или семантическая трансформация исходной формулы, она воспроизводится в неизменном виде, но в новом контексте).

Выявленный тип социокультурного трансфера («тип Д») отсылает исследователя к явлениям модальной семиотики [1], и является, по всей видимости, одним из ключевых с точки зрения анализа процессов исторической трансляции и культурной преемственности социальных институтов, ритуалов и иных социальных практик. Дальнейшее исследование данного типа передачи культурной информации на материале исторических обществ позволит более детально изучить особенности его функционирования и выявить возможные закономерности трансляции и преемственности соответствующих социокультурных форм.

Список литературы:

1. Золян С.Т. О модальном измерении языкового знака: семантическая теория Г. Фреге и ее возможное расширение // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 96-111.
2. Павленко Н.А. Александр Невский: Киноповесть // Собр. соч. Т. 4. М., 1954.
3. Проскурин С.Г. Принципы репликации культурной информации // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 51–64.

4. Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Коммуникативное расширение формул в поэтике индоевропейской культуры как условие ее распознавания в контексте и передачи в диахронии // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул, 2014. С. 233–238.
5. Санников С.В. Не переводившиеся ранее фрагменты англосаксонских законов (domas) королей Инэ и Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. IV. Вып. 2. С. 67-70;
6. Санников С.В. Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. VIII. Вып. 1. С. 205-209;
7. Санников С.В. Фрагменты кодекса короля Альфреда / Предисл., пер. и коммент. С.В. Санникова // История государства и права: Федеральный журнал. 2009. № 20. С.2-7.

ИСКУССТВО, КОТОРОГО «НЕТ» (ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА)

Семенова Валентина Ивановна

*д-р культурологии, факультет дизайна, визуальных искусств и архитектуры,
Тюменский государственный институт культуры,
РФ, г. Тюмень*

E-mail: valivsem8@mail.ru

Черниева Зинаида Леонидовна

*канд. культурологии, факультет дизайна, визуальных искусств и архитектуры,
Тюменский государственный институт культуры,
РФ, г. Тюмень*

E-mail: zchernieva@mail.ru

Art which does not "exist" (the intersection of primitive and modern art)

Valentina Semenova

*Doctor of Cultural Studies, Department of Design, Visual Art and Architecture, Tyumen State Institute of Culture,
Russia, Tyumen*

Zinaida Cherniyeva

*Candidate of Cultural Studies, Department of Design, Visual Art and Architecture, Tyumen State Institute of Culture,
Russia, Tyumen*

АННОТАЦИЯ

Существование первобытного искусства как искусства не признается в силу незавершенности процесса его становления и заменяется термином «изобразительная деятельность». В современном искусстве стереотипно видят «конец искусства», связанный с утратой критериев художественности и пр. Этот парадокс преодолевается, если историки искусства будут опираться в своих суждениях на развитие новых технологий и выразительных средств.

ABSTRACT

The existence of primitive art as the art is not recognized because of the process incompleteness of its formation and is replaced by the term "figurative activity". The "end of art" is seen stereotypically in modern art, associated with the loss of the criteria of high artistic value, etc. This paradox is overcome if art historians rely on their judgments concerning the development of new technologies and expressive means.

Ключевые слова: изобразительная деятельность, первобытное искусство, современное искусство, кризис искусства.

Keywords: figurative activity, primitive art, modern art, art crisis.

Искусство является неотъемлемой частью человеческой культуры. Его начало уходит в глубокую древность, в эпоху первобытности. Осознание этого факта было сложным и непростым процессом. Первые находки предметов первобытного искусства были сделаны в первой половине XIX в., но их связывали с кельтами, римлянами и др. Публикация знаменитой пластины с ланями из грота Шаффо, найденной в 1833, состоялась только в 1860 г. [7, с. 15, с. 62]. Открытие живописи в пещере Альтамира в 1879 г. опять стало камнем преткновения. Совершенство изображений не соответствовало представлениям науки о первобытном человеке. Пещерное искусство было признано спустя почти четверть века [7, с. 120,

с. 205]. На современном этапе исследователи предпочитают употреблять термин «изобразительная деятельность», предложенный в 1929 г., так как обнаруженные артефакты не могли выполнять те же функции, которые присущи современному искусству. [2, с. 11]. Если учесть тот факт, что выделение искусства в особую сферу началось в эпоху Возрождения, то мы должны отказаться от существования искусства во все предшествующие эпохи.

Современное искусство «исчезает» в силу другого явления, которое в постмодернистской традиции попадает в период «конца искусства» (например, рубеж XIX-XX вв.). Н. Бердяев объяснил это тем, что «свободная игра человеческих сил от возрождения перешла к вырождению, она не творит уже красоты»

[1; 4]. Все «концы искусства» совпадают с кризисными историческими ситуациями, с разрушением системы ценностей. С другой стороны, «конец искусства» связан с развитием новых технологий, появлением и развитием новых стилей и направлений. Один из важных моментов для творческого поиска – обращение к наследию и его актуализация. В эпоху Возрождения таким стимулом послужило античное наследие.

Особенностью современности является удивительное сближение искусств, которых «нет» – первобытного и современного. Современные художники в своем творчестве пользуются всем арсеналом выразительных средств своих предшественников и придумывают новые. На наш взгляд, первым художником, который включил в свой язык архаичные выразительные средства намеренно, был П. Пикассо. Началом можно считать его «Авиньонских девиц» (1907). Две фигуры справа, прописанные позднее трех левых, были результатом восхищения художника африканскими статуэтками. Конечно, статуэтки, относятся к традиционному искусству, но их пластика, технология корреспондируется с первобытностью. Тем более, что речь идет не о прямом цитировании, а о применении выразительных приемов изображения в поисках новых путей искусства (кубизма). Участие традиционного африканского искусства при рождении шедевра является фактом. В этом ключе вполне закономерно обратиться к другому произведению П. Пикассо «Герника» (1937). Конечно, П. Пикассо абсолютно современный художник, мастерски построивший сложную композицию, нашел невиданной выразительности линии для передачи абсолютного зла. Монументальное полотно (349,3х776,6 м) визуально напоминает палимпсест на стене пещеры со сплетением живых тел, среди которых фигуры животных также выразительны, как и фигуры людей. Содержание картины ясно, каждый элемент продуман и имеет значение (человек в горящем доме, расчлененные женщина и солдат, обезумевшая от боли лошадь, воющая мать с мертвым ребенком и голубем и олицетворение тупого равнодушия – бык). Выразительные средства, тем не менее, можно сопоставить с приемами первобытного искусства: линейность, деформация фигур, изображение части вместо целого, монохромность, концептуальность, эмоциональность, совершенство исполнения.

Первобытный художник учился у природы, но он уже, используя выражение Пауля Клее, не отображал видимое, а делал его видимым, демонстрируя точность знания объекта и передачу того, что изобразить нельзя – страстное желание всеобщего плодородия, умножения, изобилия зверя (как П. Пикассо сделал видимым абсолютное зло). Пластина с оленями и рыбами из пещеры Лортэ только на первый взгляд образец первобытного анималистического реализма. На сохранившемся фрагменте (дл. 14, 2 см) видны три оленя и шесть рыб [5, с. 456; 7, с. 73]. Сюжет трактуется как переход оленей через реку. На самом деле олени *переплывают* реку, едва касаясь кончиками копыт дна. Фигуры оленей и рыб нанесены гра-

вировкой с точностью и мастерством, и вполне реалистичны. Есть два явных символа – два ромба с точками над левым оленем, интерпретирующиеся как женские знаки. Возможно, они указывают на то, что это самки северного оленя, у которых также имеются рога, как и у самцов. По этнографическим данным, именно, оленухи выбирают места переправы, во время которой стадо наиболее беззащитно [6, с. 75].

Предлагаем попытку «прочтения» этого сюжета, обратившись к мифам индейцев. К. Леви-Строс привел ряд мифов, в которых фигурируют Змея, наполненная рыбами и Мать Бизонов. Змея, по сути, Мать Рыб. Мать Бизонов говорит о себе, что ее «грива тяжела от рыб». Связь женщин, волос, воды и рыб устанавливается по ряду эпизодов из других мифов. В мифе индейцев юго-востока Северной Америки герой увеличивает численность рыб, моя свои волосы в реке [8, с. 28]. В цикле мифов об Орле и Койоте упоминаются женщины – повелительницы лососей [9, с. 239-240]. В другом мифе герой забирает своего сына и волосы жены, чем навлекает на людей наводнение, так как за волосами шла вода [9, с. 243].

На пластине рыбы явно соприкасаются с мехом оленей (4 у ног и две почти за спиной двух левых оленей), который тщательно передан насечками. Таким образом, изображение на пластине может быть связано с идеей умножения лососей. Реалистичная, на первый взгляд, сцена сделана не ради самого изображения (игра, удовольствие, демонстрация навыков), а той идеи, которая волновала всех людей палеолита.

В 1994 г. была открыта пещера Шове с замечательными головами лошадей [2, с. 47, с. 49], которые почти дословно совпадают с пирамидой конских голов Ф. Марка, трагически погибшего на войне в 1916 г. Франц Марк рисовал одних животных и пытался уйти от цивилизации путем погружения в природу в поисках скрытой духовности. Его лошади пленяют свой непринужденной естественностью, которую произвольно передавали художники из Шове.

Обращение к выразительным средствам первобытного искусства можно найти даже у эпатажного Марселя Дюшана. Его «реди-мейды» вполне сопоставимы с композициями из черепов медведей с длинными костями, продетыми в скулы, найденными в альпийских пещерах [13, с. 145]. Современные инсталляции можно сопоставить с натуральными макетами палеолита.

Пересечение первобытного и современного искусства отражается в появлении таких направлений в искусстве как «археарт», «этноархаика», «этнофутуризм», «неомифология», «археоавангард», которые стали обозначать единым термином «неоархаика». Ю.И. Ожередов видит главную задачу художников-«неоархаиков» в том, чтобы «тревожить генную память зрителя» на уровне архетипов коллективного бессознательного. Он выделяет два основных направления: 1) художники, фиксирующие материальные формы архаичной жизни; 2) художники, вскрывающие метафизическую составляющую мировоззрения, которые владеют знаниями в области мифологии, эзотерики и пр. [10, с. 217, с. 218]. Один

из исследователей неоархаики В.Ф. Чирков связывает его с творчеством специализированной элитной группы художников, которые совершенно по разным параметрам могут быть к нему отнесены [14, с. 226]. Некоторые склонны рассматривать неоархаику как некое чисто сибирское явление [3, с. 200]. На наш взгляд, неоархаика многолика, но безошибочно узнаваема. Формальных объединений художников-«неоархаиков» нет. Никакое художественное объединение в истории искусства никогда не было единым в творчестве и создавалось с целью организации выставок (например, «Мост», «Синий всадник» и др.). Архетипическая основа первобытного и современного искусства подчеркивает возврат к человеческим универсалиям. Этническое начало, если оно ярко выражено, не исключает всечеловеческой, всевселенской направленности сути искусства. Вполне можно согласиться с мнением Е.В. Груздова, что «направление неоархаики можно определить как своеобразный жанр, где объектом изображения является человек в космосе, космос и человек» [4, с. 198].

В контексте статьи нам важен сам факт включения выразительных средств первобытного искусства в актуальную сферу современной изобразительности. В современном искусстве в полной мере это воплощено в творчестве Г.С. Райшева, замечательного и выдающегося художника, язык произведений которого одинаково глубоко передает нам прочувствованное понимание как хантыйской, так и русской культуры, словом, вселенской всечеловеческой культуры [11]. Его приемы основаны не на стилизации, реконструкции или консервации традиционного, архаичного, а на свободе выбора средств, индивидуального художественного языка, которые точно передают мысли, чувства мастера, адресованные миру.

Слова Г. Рида о Сезанне наилучшим образом передают сверхзадачу художника во все времена - «уважая попытки своих предшественников найти общий язык с природой, не теряя надежды преуспеть там, где они потерпели поражение, то есть «реализовать» свои ощущения в непосредственной близости к природе» [12, с. 17].

Искусство также феноменально как появление разумного существа на планете Земля (даже если мы найдем все недостающие звенья эволюции), язык, культура. Если понимать искусство как особую образно-художественную форму познания мира и способ манифестации человеческого мировидения, то первобытное искусство (только так!) занимает почетное место в самом *начале*. Даже тот факт, что первобытное искусство мы описываем современными категориями – живопись, графика, пластика, подчеркивает естественность этого обстоятельства. Термин «изобразительная деятельность» имеет более широкое значение. Именно в рамках изобразительной деятельности и формируется искусство через освоение точки, линии, цвета, работы с готовыми формами (черепами, костями животных). Тем самым, *предпосылки* первобытного искусства уходят в средний палеолит и глубже. Проявления простой и незамысловатой (или наоборот) изобразительной деятельности можно увидеть во многих творениях современных художников. Не все, что они производят, станет предметом искусства.

Новые технологии и выразительные средства – главные критерии, которые позволяют нам заниматься историей искусства, в разной степени точно выстраивать общую канву и замечать особенности его движения. История искусства продолжается, потому что «*ars longo ...*».

Список литературы:

1. Бердяев Н. 1990. «Кризис искусства». (Репринтное издание). Москва: СП Интерпринт.
2. Бледнова Н.С. and Л.Б. Вишняцкий, Е.С. Гольдшмит, Т.Н. Дмитриева, Я.А. Шер. 1998. «Первобытное искусство: проблема происхождения». Кемерово.
3. Гурьянова Г.Г. 2014. «Сибирская неоархаика (историография явления)». Архаичное и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 199-202.
4. Груздов Е.В. 2014. «Назад в будущее» (историософский взгляд на неоархаику). Архаичное и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 197-198.
5. Елинек Я. 1982. «Большой иллюстрационный атлас первобытного человека». Прага: Издательство Арттия.
6. Косарев М.Ф. 1984. «Западная Сибирь в древности». Москва: Наука.
7. Ларичев В.Е., 1990. «Прозрение: Рассказы археолога о первобытном искусстве и религиозных верованиях». Москва: Издательство политической литературы.
8. Леви-Строс, К. 2001. «Структурная антропология». Москва, Россия: Издательство ЭКСМО-Пресс.
9. Леви-Строс, К. 2007. «Мифологики: Человек голый». Москва: Издательский Дом «Флюид».
10. Ожередов Ю.И. 2014. «Научно-исследовательский аспект сибирской «неоархаики». Архаичное и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 216-219.
11. Райшев Г.С. 2014. «Живопись. 1960-2010-е годы: Альбом». Екатеринбург: Издательство Баско.
12. Рид Г. 2017. «Краткая история современной живописи». Москва: Ад Маргинем Пресс.

13. Столяр А.Д. 1985. "Происхождение изобразительного искусства". Москва: Искусство.
14. Чирков В.Ф. 2014. "Сибирская неолитика (к вопросу о структурном и стилистическом анализе)". Архаичное и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 223-230.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

СУЩНОСТЬ МЕДИАТИЗАЦИИ КАК ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Наседкина Надежда Игоревна**магистр филологических наук, ГрГУ им. Я. Купалы**Республика Беларусь, г. Гродно**E-mail: nasedkina_ni@mail.ru*

AN ESSENCE OF MEDIATIZATION AS THE PHENOMENON OF THE MODERN SOCIETY

*Nadezhda Nasedkina**Master of Philology, Yanka Kypala State University,**Republic of Belarus, Grodno*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются подходы отечественных и зарубежных исследователей к понятию «медиатизация». Ставится вопрос о месте указанного термина в терминосистеме современной коммуникативистики. Рассматриваются особенности процесса медиатизации и его воздействия на социум посредством массмедийного дискурса.

ABSTRACT

The article presents an overview of the main research approaches to the definition of "meditization". A question about the place of the corresponding interdisciplinary term in the terminology of modern communicativistics is raised in the article. Specificity of the functioning of terms in scientific, professional and massmedia discourses are considered. Features of functioning of process of mediatization and its influence on society through mass media discourse are considered.

Ключевые слова: медиатизация, дискурс, СМИ, медиа, медиадискурс, СМК.

Keywords: mediatization, massmedia, media, media discourse.

Современные медиа являются неотъемлемой частью жизни общества. Средства массовой коммуникации не только влияют на нашу жизнь, но и формируют определенное медиамнение касательно того или иного явления в рамках конкретного события путем различных технологических средств и приемов. Компонент медиа проник в повседневную реальность настолько прочно, что иные социальные процессы, происходящие в обществе, рассматриваются лишь через призму медиапространства (в большинстве случаев через электронные СМИ или новые медиа). Такое явление исследователи трактуют как «медиатизация».

В научном дискурсе термин «медиатизация» появляется в 1990-х годах. В русскоязычных исследо-

ваниях понятие медиатизации получает разнообразное толкование и интерпретацию в исследованиях Л.М. Земляновой, Н.Б. Кирилловой, И.В. Рогозиной, А.И. Черных, Д.И. Шаронова и др. [2, с.198].

Английский исследователь Дж. Б. Томпсон в работе «Медиа и современность» использует данное понятие для обозначения роли медиа как институционально организованных структур, передающих не просто информацию, а элементы самой культуры, которые призваны формировать современное общество [1].

Существует несколько подходов к пониманию медиатизации. По мнению С. Хьярварда, медиатизация – это двусторонний социальный процесс, с помощью которого социум насыщается средствами массо-

вой информации в такой мере, что СМИ могут рассматриваться лишь в контексте общественных институтов. Сами по себе медийные технологии не являются причиной социокультурной динамики, однако погружение человека в информационный поток при условии формирования определенных социальных, политических, экономических, культурных реалий с помощью новых технологий дает мощный толчок для воздействия на общественное сознание [7, с. 107-128]. Данное явление затрагивает социум на макро- и микроуровнях, что позволяет говорить о том, что общество становится полностью зависимо от медиа [7, с.120]. Немецкий социолог коммуникации В. Шульц предложил ещё один подход к пониманию медиатизации. Исследователь выделил четыре вида процессов, которые видоизменяют социальную коммуникацию, – расширение, замещение, объединение, приспособление. В качестве примера Шульц приводит социальные медиа, которые на сегодняшний день успешно выполняют коммуникативную функцию наряду с информационной и развлекательной (что изначально было привилегией СМИ) [8, с. 90].

В большинстве работ процесс медиатизации рассматривается сквозь призму политической коммуникации. Польский ученый Тереса Сасинска-Клас говорит о том, что канал связи, который использует человек, рассматривается в качестве первичного источника получения знания о реальности. А СМИ, в свою очередь, и есть тот канал/посредник, который трансформирует общество в медиаобщество, медиатизируя его: использует различные коммуникативные стратегии с целью оказания влияния на различные группы аудитории с помощью различных средств массовой коммуникации [9, с. 164].

Проанализировав работы отечественных и зарубежных исследователей, можно говорить о том, что термин «медиатизация» сегодня широко востребован в коммуникативистике и закрепился в качестве ключевого обозначения процесса влияния медиа на различные стороны жизни социума. Значение термина «медиатизация» уточняется и актуализируется в его сочетаемости, в частности в активно функционирующих в научном дискурсе двухкомпонентных субстантивных терминологических словосочетаниях с объектными отношениями: от высокочастотных и уже привычных сочетаний *медиатизация политики, медиатизация культуры, медиатизация спорта, медиатизация науки, медиатизация рекламы* и т. д. до встречаемых пока в отдельных работах и постепенно входящих в язык науки сочетаний *медиатизация терминов, медиатизация текста, медиатизация современных обществ, медиатизация правовой жизни, медиатизация человека, медиатизация реальности, медиатизация публичной сферы, медиатизация обучения* и т. д. Атрибутивно-субстантивные сочетания подобного типа встречаются в научном дискурсе значительно реже: *телевизионная медиатизация, нарастающая медиатизация, медиатическое измерение* и т. п.

Примечательно, что до сих пор термин «медиатизация» не нашел свое отражение ни в одном из кор-

пусов Национального корпуса русского языка. Большинство новых терминов проникает в реальную действительность через тексты СМИ и посредством СМК. И если в 2015 году на запрос слова «медиатизация» Яндекс выдавал 49 тысяч ответов [6, с. 145], то уже в 2018 году поисковик на идентичный запрос выдает до 280 тысяч результатов. Это дает основание предположить, что термин «медиатизация» не только используется в контексте научных исследований и специализированных СМИ, но и стремительно проникает в смысловое пространство современного социума. А это, в свою очередь, позволит в скором времени данному термину прочно укорениться в активном словаре современного человека и стать общеупотребительным словом.

Термин «медиатизация» постепенно завоевывает смысловое пространство специализированных СМИ. Наиболее употребителен сфере политики. Российские исследователи также говорят о том, что «выпуск новых гаджетов со встроенными фото- и видеокameraми позволил зрителям самим выкладывать информацию о политическом бренде, его атрибутах, действиях в интернет намного быстрее традиционных видов СМИ. Рядовой пользователь Всемирной сети подсознательно испытывает доверие к подобному контенту, потому что он точно так же может превратиться в гражданского журналиста» [3, с.124]. Так, мы можем утверждать, что телетрансляция любого новостного события может включать в себя несколько участников: классическая аудитория (та, на которую направлен данный сюжет – аудитория перед экраном телевизора), аудитория, которая на момент трансляции намеренно/случайно находится в Интернет-пространстве («поглощение» социально значимого события посредством использования СМК), аудитория, которая является случайной: изучение медиасобытия путем использования социальных медиа в независимости от времени выхода телесюжета (используются форумы, блоги, группы, репосты, переход по ссылкам; применяется генератор подбора событий на основе ранее сделанных запросов; в том числе просмотр и создание сториз (параллельная, любительская съемка видео в один и тот же временной отрезок с профессиональными журналистами), использование мессенджеров (обсуждение телетрансляции в онлайн/оффлайн-режиме/ комментарии). Разные участники одного и того же события могут по-разному включаться во взаимодействие с определенным медиасобытием (в зависимости от места, времени, технической оснащенности, предпочтений аудитории). Причем, все перечисленные процессы могут происходить одновременно.

Процесс медиатизации позволяет создать абсолютно новое медиапространство с охватом аудитории в разы превышающее существующее, и тем самым сформировать новый тип восприятия аудитории информации путем генерирования контента самим потребителем, и новый тип аудитории, как таковой. «Развитие цифровых технологий, мобильных средств коммуникации, распространение Интернета создает условия для интеграции компьютеров, теле-

визоров, мобильных телефонов, смартфонов в мультимедийное средство коммуникации с широкой функциональностью. Конвергенция этих устройств образует ряд новых возможностей для развития медиасреды и, прежде всего – контроль и управление медиаконтентом со стороны пользователя» [4, с. 61]. Так, Т.А. Пивоварчик отмечает, что «если традиционно коммуникативная активность или пассивность человека интерпретировалась, прежде всего, как индивидуальное качество личности, то сегодня медиатизированная действительность «навязывает» характер и способы коммуникативной активности человека, оказывается сильнее, чем его природная предрасположенность. Наличие доступных сервисов (например, генераторов мемов) подвигает человека к расширению способов его коммуникативной активности» [5, с.150].

Медиатизация как относительно новое явление проникает в различные сферы современной жизни человека. Медиатизация выступает в качестве посредника с точки зрения информационного воздействия и взаимодействия между аудиторией и массмедиа. Процесс медиатизации настолько стремителен, что взаимодействие между аудиторией и массмедиа происходит опосредованно. Кроме того, симбиоз действий, выполняемых человеком при поглощении информации настолько широк, что медиапотребление давно уже вышло за пределы классического понимания. Технические инновации, проникающие в социальную среду, трансформируют мышление человека и тем самым заменяют реальную действительность на медиатизированную.

Список литературы:

1. Гуреева А.Н. Междисциплинарность теоретических концепций в российских и зарубежных исследованиях процесса медиатизации / А.Н. Гуреева // Медиаскоп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2388>. – Дата доступа: 23.04.2018.
2. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А.Н. Гуреева // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192-208.
3. Казимирчик Л.В. Политический бренд в условиях медиатизации и виртуализации современной публичной политики/Л.В. Казимирчик// Политические науки. Теория и практика общественного развития. – 2014. – №13. С. 123-125.
4. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе/ В.П. Коломиец// Социологические исследования. – 2010. – № 1. С. 58-66.
5. Пивоварчик Т.А. Медиатизация как фактор развития коммуникативной активности личности/ Т.А. Пивоварчик// Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности : материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Сидорская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.
6. Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования/Т.В. Шмелева//Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – №90. – С. 145 – 148.
7. Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. – 2008. – Vol. 29. No. 2. P. 105–134.
8. Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. – 2004. – Vol. 19 (1). – P. 87–101.
9. T. Sasińska-Klas, Mediatyzacja a medializacja sfery publicznej / Sasińska-Klas, T. // Zeszyty Prasoznawcze. – 2014. – T. 57, nr 2 (218). – s. 162–175.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПРЕДЛОГА

Рыжкович Анна Чеславовна

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры журналистики
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
Республика Беларусь, г. Гродно
E-mail: KONTROL2013@INBOX.RU

ON THE QUESTION OF POSTPOSITIONS

Anna Ryzhkovich

candidate of Philology, senior lecturer, Department of journalism, Yanka Kupala Grodno state University,
Belarus, Grodno

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются дефиниции предлога, определяется терминологический статус предлогов, приводятся основные функции, которые способен выполнять предлог, доказывается, что предлог в современном языкознании является морфосинтаксической единицей.

ABSTRACT

The article deals with the definition of preposition is determined by the terminological status of prepositions are the basic functions that are able to perform a pretext to prove that the preposition in modern linguistics is a morphosyntactic unit.

Ключевые слова: предлог, служебное слово, морфема, синтаксема, морфосинтаксическая единица.

Keywords: preposition, service word, morpheme, syntaxem, morphosyntactic unit.

Определение предлога как особого грамматического разряда слов берет свое начало из античной грамматики. В самом термине уже содержится характеристика предлога с точки зрения его размещения относительно имени (предлог в подавляющем большинстве случаев располагается перед именами).

Как отдельная часть речи предлоги выделялись уже в самых ранних русских грамматиках наряду с именами, местоимениями, наречиями и другими классами слов.

Одно из самых ранних научных определений предлога основано на позиции предлога по отношению к другим словам, связанных с ним: предлог – это «слово, поставляемое пред другими словами, отдельно или слитно, в разных значениях: а) отдельно поставленные пред именами и местоимениями предлоги служат в помощь падежам, показывая отношения между предметами; б) слитно с глаголами предлоги показывают направление действий, начало и конец оных и пр.» [3, с. 43]. Данное определение не от-

ражает специфики предлога, так как некоторые предлоги способны занимать позицию и после имени. Речь идет о так называемых «послелогах»: *пять лет тому назад, здравому смыслу вопреки, неделю спустя, мне наперекор.*

Предлог представляет собой одну из самых дискуссионных частей речи. В античных и средневековых грамматиках в состав предлогов включались префиксы. Еще Аристотель рассматривал предлог как «часть слова человеческого». В Русской грамматической традиции данная тенденция сохранялась до конца XIX в. Автор первой грамматики русского языка – М.В. Ломоносов – в своей «Российской грамматике» [10] выделяет знаменательные и служебные части речи, причем к знаменательным частям речи он относит только две главные – имя и глагол, а предлог, наряду с местоимением, причастием, наречием, союзом и междометием, он включает в состав служебных.

М.И. Конюшкович в своей статье проанализировала работы М.В. Ломоносова, посвященные изучению предлога, и отметила, что предлог понимался М.В. Ломоносовым широко: в эту часть речи он включал и приставки. М.В. Ломоносов выделил 24 так называемых «прямых» (непроизводных) предлога вместе с приставками, собственно предлогов в его списке 19: *во / въ, для, до, за, изъ, ко / къ, межъ, на, надъ, о / объ, отъ, по, подъ, предъ, при, про, ради, со / съ, у* [7, с. 14].

Вторая группа предлогов – это единицы, в современном языке называемые амбивалентными, поскольку они одновременно совмещают в себе свойства и наречий, и предлогов. М.В. Всеволодова называет такие единицы амбивалентными предлогами-наречиями.

А.Х. Востоков в «Русской грамматике» [3] также относит предлог к служебным словам. А.Х. Востоков исследует грамматические, смысловые связи и соотношения между функциями разных предлогов, стилистические особенности употребления различных типов предложных словосочетаний, определяет основные значения и функции предлога, указывает на возможность предлога употребляться слитно или раздельно, но при этом не разграничивает предлоги и приставки: «Предлог есть слово, поставляемое пред другими словами, отдельно или слитно, в разных значениях» [3, с. 214]. Исследователь отмечает, что некоторые предлоги «употребляются только слитно, как приставки. Таковы суть: *взь (возь), взо, вы, низъ, низо, па, пере, пра, пре, разъ, разо, розв, су*. Прочие предлоги и отдельно, и слитно употребляются» [3, с. 215]. Также в «Русской грамматике» отмечено, что употребляться в значении предлогов способны наречия (*кроме*), деепричастия (*исключая, несмотря на*) и существительные в разных падежах (*в рассуждении, с помощью, посредством, по мере*); выделяется также у предлога прямое и переносное значение. Прямое значение – это указание места, все другие значения, в т. ч. и временное, относятся к переносным [3, с. 215]. А.А. Потенция в книге «Из записок по русской грамматике» [14] определяет предлог как «формальное слово», грамматическое, служебное, которое не имеет «своего частного содержания» [14, с. 36].

А.А. Шахматов считал, что предлоги «утратили свое реальное значение и получили значение исключительно формальное» [19, с. 504]. Л.В. Щерба считает предлогом «группу частиц, которые соединяют два слова или две группы слов в одну синтагму (простейшее синтаксическое целое) и выражают отношение «определяющего» к «определяемому» [21, с. 67]. Предлоги, по мнению Л.В. Щербы, не имеют самостоятельного значения, не имеют способности распространять слова, выражают лишь отношение между предметами мысли, не имеют фразового ударения [21, с. 67].

А.М. Пешковский отмечает способность предлогов вносить «какой-либо оттенок в значение других слов и словосочетаний» [13, с. 66]. Д.Н. Овсянников-Куликовский указывает на способность предлогов –

«частиц предложения» – служить «связкой дополнений и обстоятельств с другими частями предложения. Управлять падежами – это их прямая обязанность, в этом их призвание. К такой роли и приспосабливается их лексическое значение, служа как бы только способом выражения известных отношений» [12, с. 218].

В.В. Виноградов также противопоставляет полноточным словам (самостоятельным частям речи) частицы речи, к которым относятся частицы, предлоги, союзы. Частицы речи – это слова, не имеющие «вполне самостоятельного реального или материального значения» [2, с. 555]. Частицы речи, которые выражают различные отношения между объектами, а также объектов к действиям, состояниям, качествам, являются предлогами. Предлоги обозначают «синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных и числительных, местоимениями, прилагательными, реже наречиями – с другой стороны» [2, с. 555].

И.И. Мещанинов относит предлог к служебным словам и определяет его как «один из падежных формантов» [11, с. 357]. По его мнению, «синтаксически ни союзы, ни тем более предлоги никогда не занимают самостоятельной позиции и никогда не могут выступать самостоятельным членом предложения или составной его частью со своим цельным лексико-синтаксическим содержанием. При таком положении они, уже став предлогами и союзами, никогда не были и не могли быть частями речи» [11, с. 357].

В работах лингвистов наблюдаются расхождения в дефинициях предлога. Проблемные точки касаются определения статуса предлогов, в котором выделяется несколько подходов. Первый – традиционный (с точки зрения морфологии) – рассматривает предлог как служебную часть речи. В соответствии со вторым подходом предлог – особая морфема (автором данной концепции является Е. Курилович), т. е. предлог является единицей и словообразовательного уровня. В современной лингвистике предлог – это морфосинтаксическая категория (П.П. Шуба, М.И. Конюшкович, М.В. Всеволодова).

Исследователи определяют морфологический статус предлога следующим образом: «служебное слово» («разряд служебных, морфологически неизменяемых слов»; «служебная часть речи» (М.В. Всеволодова, М.И. Конюшкович); «синсемантическое слово» (Ч. Ляхур); «частица речи» (В.В. Виноградов); «словный знак» (А.А. Уфимцева); «связочное слово» (Х. Згулкова); «синтаксический и семантический модификатор существительного или глагола» (Н.И. Астафьева); «аналитическая синтаксическая единица» (И.Р. Вихованец); «класс служебных морфологически неизменяемых слов и класс фразеологизмов с релятивным (относительным) значением» (С.И. Суровцева); «синтаксическая единица», «грамматическое средство».

Функциональное назначение предлога – «выражать какие-либо виды отношений»; «оформлять подчинение»; выражать «разнообразные отношения к предметам со стороны действий, других предметов,

состояний, признаков»; выражать «определенные грамматические отношения между словами»; выражать «синтаксическое положение другого слова в построении предложения»; служить «для выражения падежного значения имени»; «служить вместе с окончанием зависимого слова для подчинения его главному слову в словосочетании с подчинительной связью»; указывать «на различные семантические и грамматические отношения между соединяемыми таким образом элементами высказывания».

Предлог выражает отношения между словами как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения: подчиняет одно полнозначное слово другому в словосочетании или предложении; оформляет подчинение падежной формы имени другому знаменательному слову. Предлог устанавливает, чем имя существительное выступает в контексте предложения, т. е. осуществляет те же задания, что и падежное склонение. Таким образом, предлог «по основной своей функции оказывается не чем иным, как одним из падежных формантов имени» [11, с. 296].

М.И. Конюшкевич отмечает, что предлог «находится на стыке двух миров – мира морфологии, где он является словом, и мира синтаксиса, где он является служебной граммемой, изоморфной морфеме в слове. Именно эта вторая его ипостась и мешает рассматривать предлообразование в рамках словообразования, тем более что препозиционализация, как правило, всегда транспозитивна» [8, с. 62].

Часть исследователей отмечает функциональную схожесть предлога с морфемами. Так, по мнению А.М. Пешковского, предложные сочетания (*ключ от замка*) нужно рассматривать как «один сложный звуковой показатель грамматического значения, который частью вошел в состав одного из соединяемых слов (*замк-а*), частью прильнул к нему в качестве служебного (*от замка*)» [13, с. 59]. Д.Н. Шмелев считал, что предлоги в структуре предложно-падежных сочетаний «являются фактором грамматической оформленности другого слова, наряду с аффиксами» [20, с. 60].

О.С. Ахманова указывает на то, что отождествление предлогов с морфемами приведет к пренебрежению существенным различием между грамматическим аффиксом и предлогом. «Слово отличается от морфемы своей оформленностью, и оформляется оно обычно посредством аффиксов. Аффиксы не могут отделяться от слова, и слово без присущих ему аффиксов теряет свое качество слова, превращается в часть слова – в морфему. Предлог же (тем более союз) не входит в состав слова, не участвует в его оформлении, и он легко может отделяться от слова» [1, с. 68].

Ю.С. Степанов называет предлог «долгой прерывистой морфемой» и рассматривает его вместе с окончанием как функционально целостную, аналитическую падежную форму, где роль предлога аналогична роли окончания [17, с. 39]. Б.Д. Садирова считает, что предлог – это «такой элемент речи аналитического типа, который получает собственное значение только в сочетании с полнозначными словами ... и такой грамматический элемент на речевом

уровне вполне можно приравнять к аналитического типа словообразующим приставкам» [16, с. 16]. Е. Курилович называл сочетание предлога с флексией существительного «единой предложно-флексивной морфемой», «аналитической морфологической конструкцией» [9, с. 187]. В.М. Русановский предлагает называть предложно-падежные формы «сочетаниями грамматических лексем с аналитическими синтаксическими морфемами» [15, с. 15].

Но, как замечает С.И. Суровцева, «ни по формальным, ни по содержательным признакам предлог не может быть отождествлен с падежной флексией, так как флексия помогает создать прежде всего падежную форму, а уж затем только значение, тогда как предлог помогает выразить прежде всего падежное значение. Значение предлогов более разнообразно и специализировано, чем значение флексий» [18, с. 13].

М.В. Всеволодова не просто отмечает тесную взаимосвязь между предлогом, флексией и связанным с ними субстантивом, но и проводит аналогию между ролью префикса на словообразовательном уровне и ролью предлога на синтаксическом уровне. В определении, данном М.В. Всеволодовой, говорится, что «предлог – это служебная часть речи со своим лексическим (возможно, ослабленным) значением, входящая на правах субморфемы в словоформу существительного или его субститута, определяющая падежную форму последнего (в том числе и именительный падеж) и вместе с окончанием образующая аналог конфикса» [4, с. 15].

М.И. Конюшкевич определяет предлог следующим образом: «предлог – служебная часть речи со своим (ослабленным) лексическим значением, которая вместе с флексией образует единый грамматический комплекс, формирующий субстантивную синтаксему и вводящий ее в высказывание (ситуацию)» [5, с. 76].

Предлог не только образует единицы более высокого уровня, но и обеспечивает вместе с лексическим значением слова, его морфологическими характеристиками и синтаксической позицией ее синтаксическое значение. Аналогично тому, как словообразовательный формант образует новое слово, предлог вместе со словоформой формирует синтаксему [8, с. 105]. На словообразовательном уровне с помощью префикса не только образуются новые слова, префикс привносит в них словообразовательное значение и тем самым обеспечивает новое значение производного слова. На синтаксическом уровне предлог также формирует синтаксему и обеспечивает ее значение. Префикс не может существовать отдельно от производного слова. Предлог, в отличие от префикса, «образуя единицу синтаксического уровня и становясь ее формантом (наряду с флексией), остается достаточно автономной морфологической единицей, частью речи, лексикографически представленной, манифестируемой на письме отдельно оформленно со словоформой» [8, с. 105]. М.И. Конюшкевич считает, что «в морфологии предлог является служебной граммемой единицы строения – словоформы, в синтаксисе – формантом (или частью его) построения синтаксемы» [8, с. 106].

Таким образом, предлог находится на стыке трех языковых уровней: морфологического (предлог – служебная часть речи), словообразовательного (предлог – морфема, аффикс) и синтаксического

(предлог – формант синтаксемы). В современном языкознании предлог – морфосинтаксическая единица.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 606 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – М. : Высш. шк., 1986. – 616 с.
3. Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенского языка. – Кельн : Лингвистика, 1980. – 135 с.
4. Всеволодова М. В. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2002. – Вып. 4. – С. 14–25.
5. Конюшкевич М. И. Наше знание и незнание о предлоге // Русский язык и литература. – 2003. – № 11. – С. 75–83.
6. Конюшкевич М. И. Релятивный потенциал имени // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А. Загнітко. – Донецьк, 2008. – Вип. 16. – С. 60–66.
7. Конюшкевич М. И. Русская предложная система в освещении М. В. Ломоносова // Традиции М. В. Ломоносова и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 250-летию «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, Гомель, 19–20 дек. 2007 г. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2007. – С. 14–19.
8. Конюшкевич М. И. Способы выражения лексического компонента синтаксемы (синтаксической позиции), маркированной предлогом (на материале белорусского языка) // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2005. – Ч. 1. – С. 104–116.
9. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. – Биробиджан : Тривиум, 2000. – С. 186–205.
10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739–1758 гг.) [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml. – Дата доступа: 11.09.2014.
11. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. – Л. : Наука, 1978. – 386 с.
12. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. – СПб. : Издание Жуковского, 1902. – 312 с.
13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
14. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т. – М. : Просвещение, 1985. – Т. 4, вып. 1 : Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. – 286 с.
15. Русанівський В. М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9–20.
16. Садирова Б. Д. Сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Душанбе, 214. – 24 с.
17. Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей // Вопросы языкознания. – 1968. – № 6. – С. 36–48.
18. Суровцева С. И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических темпоральных предлогов современного русского языка : моногр.; М-во образ. и науки РФ, ГОУ ВПО «Челябинский гос. пед. ун-т». – Челябинск : ЧГПУ, 2011. – 190 с.
19. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
20. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М. : Наука, 1973. – 281 с.
21. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба ; под ред. Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевича. – М. : Наука, 1974. – С. 77–100.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

№ 9(55)
Сентябрь 2018

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 66235 от 01.07.2016
Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Подписано в печать 21.09.18. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
125009, Москва, Георгиевский пер. 1, стр.1, оф. 5
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+